

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына ¹⁾.

Какъ я уже сказалъ, я засталъ полкъ въ походѣ въ Крымъ. Военный походъ тогдашняго времени былъ чрезвычайно своеобразенъ. Въ одно время съ нами шли изъ царства Польскаго 2 пѣхотныхъ дивизіи и 7-ая кавалерійская. Шли по-эшелонно по 2 баталіона въ эшелонѣ. Обыкновенно выходили съ ночлега часу въ 6-мъ утра, дѣлая переходъ отъ 25 до 30-ти верстъ. Гдѣ-нибудь въ половинѣ перехода дѣлался привалъ, на которомъ офицеры, большею частью, завтракали, т. е. пили водку и ѣли остатки отъ вчерашняго обѣда, или насыщались какими-нибудь закусками: колбасами, ветчиной, вареными яйцами и пили чай. Солдатамъ же на привалѣ ничего не давалось: они должны были довольствоваться кускомъ хлѣба, или сухарями, размоченными въ водѣ. Впрочемъ, иные запасались откуда-то водкой. Когда же появилась у насъ въ войскахъ холера, то было предписано отпускать на привалѣ по небольшой порціи водки на каждого солдата.

Отдохнувъ на привалѣ отъ 1½ до 2-хъ часовъ, мы шли дальше и приходили часамъ къ 12 на слѣдующій ночлегъ. Шли два дня подъ рядъ, а на третій день была дневка. На ночлегѣ сейчасъ же давался солдатамъ обѣдъ, который заготовлялся посланными впередъ кашеварами.

Обѣдъ состоялъ изъ щей, или похлебки съ крупами, полуфунта мяса и небольшой порціи водки. Обыкновенно за полкомъ тянулся казенный обозъ, но такъ какъ его было недостаточно для поднятія всѣхъ полковыхъ тяжестей, то кромѣ того брались обывательскія

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1912 г.

подводы, которыхъ отпускалось на полкъ по 100 штукъ. Несчастныя подводчики страшно бѣдствовали: во-первыхъ, они отрывались отъ работы въ самое нужное время, лошаденки были у нихъ изнуренныя. Такъ какъ войска по этой дорогѣ шло довольно много, то подводы сгонялись полиціей верстъ за 50 и болѣе. вмѣсто денегъ подводчикамъ выдавались печатныя квитанціи стоимостью по 75 к. каждая, но, такъ какъ придорожные крестьяне за эти квитанціи ничего не давали, то подводчики часто везли тяжести на некормленыхъ лошадяхъ и сами голодали. Больные везлись съ полкомъ въ лазаретныхъ фургонахъ. Трудно было выдумать что-нибудь неуклюжѣе и неудобнѣе этихъ фургоновъ для перевозки больныхъ.

Представьте себѣ большую русскую троечную телѣгу, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ встарину возились товары, расширенную къ переду и суженную сзади; самый же ящикъ ко дну закруглялся, а надъ нимъ возвышался четырехугольный кожаный верхъ съ дверцами по бокамъ. Въ такую телѣгу, или, какъ тогда называлось, лазаретную карету, полагалось класть по 4 больныхъ. Это были по-истинѣ мученики. Ни сидѣть, ни лежать спокойно они не могли. Такъ какъ дно кареты было нѣсколько поднято къ переду и имѣло наклонъ къ заднему концу, то больные какъ при сидѣніи, такъ и при лежаніи—волей-неволей давили на своихъ товарищей и причиняли имъ часто ужасныя страданія. Я самъ видѣлъ, какъ лежавшіе на днѣ телѣги, больные, на которыхъ невольно напирала товарищи, лежавшіе съ боковъ телѣги выше ихъ, толкали, щипали и даже кусали послѣднихъ. Ко всему этому присоединялись мученія отъ тряски и толчковъ во время дороги, такъ какъ никакихъ приспособленій для уменьшенія тряски въ каретахъ не было: ни рессоръ, ни длинныхъ дрогъ, а кузовъ лежалъ непосредственно на осевыхъ подушкахъ. Такихъ каретъ было по двѣ на баталіонъ, т. е. 8 на полкъ. Болѣе легкихъ больныхъ везли на обывательскихъ подводахъ, и эти, сравнительно, страдали меньше. Фельдшера должны были идти пѣшкомъ.

Въ концѣ мая въ нашемъ отрядѣ появилась холера; заболѣвало человекъ по 10 въ день. Больные везлись на тѣхъ же фургонахъ.

Для сокращенія числа заболѣваній, придумали дѣлать переходы по ночамъ, т. е. выходили съ ночлега часовъ въ 7 вечера и шли часовъ до двухъ до трехъ ночи, чтобы избѣжать сильной жары. Но это не только не уменьшило числа заболѣваній, но повидимому увеличило ихъ, такъ что вскорѣ стали опять дѣлать переходы по утрамъ. Здоровымъ солдатамъ увеличена была порція водки и мяса до 1-го фунта. Привалы приказано было дѣлать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчекъ и ручейковъ, такъ какъ во многихъ изъ

нихъ вода была, дѣйствительно, нехороша; вмѣсто нея на привалахъ выдавался чай. Больныхъ сдавали, гдѣ было можно, въ попутныя больницы. Эпидемія продолжалась около 1½ мѣсяца и унесла изъ полка около 500 чел. Между прочимъ, мы потеряли отъ нея своего товарища д-ра Козлова, молодого человѣка, полного силъ и надеждъ на будущее, только за годъ передъ тѣмъ окончившаго курсъ Московскаго университета. Его схоронили въ городѣ Острогѣ. Тяжелыя были эти похороны: каждому становилось жутко за себя. Изъ офицеровъ тоже умерло трое, одинъ изъ нихъ, впрочемъ, былъ запойный пьяница, и о его смерти не особенно сожалѣли. Последній холерный случай былъ въ Бахчисараѣ 15-го іюля.

Такимъ образомъ мы шли изъ царства Польскаго до Бахчисарая около 2-хъ мѣсяцевъ. Погода все время была превосходная, только возлѣ города Бара въ Подольской губерніи одинъ день побилъ насъ дождь. Несмотря на всѣ трудности и лишенія походной жизни, къ которымъ я, впрочемъ, скоро привыкъ, я наслаждался этимъ походомъ; меня, какъ уроженца сѣвера, не выдававшего ничего кромѣ Петербургскихъ и Новгородскихъ тундръ и трясины, поражала, незнакомая мнѣ, природа Волинской и Подольской губерній съ ихъ богатой растительностью. Тамошнія деревни расположены чрезвычайно красиво или на холмахъ, составляющихъ послѣдніе отроги Карпатскихъ горъ, или въ долинахъ между этими холмами, Всѣ онѣ тонуть въ садахъ, сквозь зелень которыхъ проглядываютъ бѣлыя хатки поселянъ. Лѣса, состоявшіе изъ породъ умѣренной полосы Европы, были такъ красивы, что казались мнѣ садами. Цѣлы ли они теперь?

Ночевали мы или въ хаткахъ, большею частью выбѣленныхъ и довольно чистыхъ, или въ большихъ сараяхъ, сдѣланныхъ изъ переплетенныхъ древесныхъ вѣтвей, называемыхъ тамъ „стодолами“. Я ужасно любилъ ночлеги въ этихъ стодолахъ. Полною грудью вдыхаешь въ нихъ чистый воздухъ, пропитанный ароматами всевозможныхъ травъ; утромъ, сквозь щели стѣны проникаютъ свѣтлые иѣжные лучи утренняго солнца; слышишь щебетаніе птичекъ, то влетающихъ въ стодолъ, то вылетающихъ изъ него и встаешь бодрый, свѣжій, жизнерадостный, не чувствуя никакого утомленія вчерашняго перехода.

Въ степной Херсонской губерніи картина природы рѣзко измѣняется: безконечныя степи ея, въ которыхъ ничего не видишь, кромѣ травъ и хлѣбныхъ полей, и гдѣ почти вовсе не встрѣчаешь древесной растительности, были чрезвычайно утомительны для переходовъ, въ особенности въ это жаркое время. Воздухъ, по близости деревень, пропитанъ запахомъ кизяка, употребляемаго жите-

лями вмѣсто дровъ. Днемъ ѣдешь нѣсколько часовъ подъ лучами палящаго южнаго солнца, которое накаливаетъ вамъ голову до того, что дѣлаются галлюцинаціи; пыль раздражаетъ вамъ глаза, сушитъ вамъ ротъ, отчего дѣлается нестерпимая жажда. Воду рѣдко гдѣ встрѣтишь, да и та плохо утоляетъ вашу жажду: послѣ нѣсколькихъ глотковъ холодной воды у васъ во рту дѣлается ощущение какъ бы ожога. Все тѣло ощущаетъ томительную ломоту. Ночь такъ же мало освѣжаетъ васъ: раскаленный, почти неподвижный воздухъ стѣсняетъ вамъ грудь, вызываетъ томительную испарину въ тѣлѣ, и утромъ встаешь съ тяжелой головой и съ такимъ чувствомъ въ тѣлѣ, какъ будто всѣ ваши члены налиты свинцомъ. Единственное спасеніе въ этихъ случаяхъ — это чай. Какъ только встрѣтишь гдѣ-нибудь по дорогѣ колодезь, согрѣешь самоваръ, выпьешь 3—4 стакана хорошаго крѣпкаго чаю и сейчасъ же почувствуешь себя освѣженнымъ и бодрымъ. Еще тяжелѣе въ солончаковыхъ степяхъ сѣверной части Крыма отъ Перекопа до Симферополя. За это время у насъ въ полку сильно развились воспаленія глазъ отъ пыли.

Въ Херсонской губерніи я въ первый разъ видѣлъ саранчу. Она летѣла на огромномъ пространствѣ сплошными тучами, затемняющими свѣтъ солнца; летѣла такъ низко, что была вамъ въ глаза и въ лицо. Жители съ ужасомъ смотрѣли на этотъ страшный бичъ, въ одну ночь истребляющій весь годовой урожай.

Конечно, въ походѣ я обращалъ всего болѣе вниманія на внѣшнюю обстановку тѣхъ мѣстностей, на фонъ картины, въ которой проходила жизнь мѣстнаго населенія.

Жизнь эта, по существу своему, была очень тяжела. Изнуренные барщиной, разоренные постоянными переходами войскъ, крестьяне, безъ сомнѣнія, должны были сильно бѣдствовать, несмотря на благодатную природу своего края. Но мы не могли и не имѣли времени обращать вниманіе на экономическія условія ихъ быта. Съ тяжестью ихъ я познакомился впоследствии, прослуживъ въ этихъ краяхъ около 4-хъ лѣтъ.

Когда мы шли близъ австрійской границы, то изъ опасенія флангового нападенія со стороны Австріи, о которомъ тогда много говорили, принимались нѣкоторыя военныя предосторожности. Было приказано отпустить штыки и сабли, во время перехода высылались патрули и развѣдчики, и за каждымъ эшелономъ шли одна, или двѣ роты въ арьергардъ съ заряженными ружьями.

Съ 15-го іюля до 2-го августа мы стояли на позиціи въ 6-ти верстахъ отъ Бахчисарая на высотахъ близъ рѣки Качи. 2-го насъ перевели на Инкерманскія высоты. Тутъ въ первый разъ я уви-

далъ съ Инкерманской горы море во всей его красѣ. Вечеръ былъ тихій, теплый; передъ глазами развернулась широкая, уходящая въ даль полоса спокойнаго моря, освѣщеннаго лучами заходящаго солнца. На ней вдали виднѣлся непріятельскій флотъ, осаждавшій Севастополь. Картина была величественна, но невольная грусть овладѣла мною.

Подъ этимъ чуднымъ небомъ, въ этой богатой роскошной странѣ стояли 2 вооруженныхъ враждебныхъ лагеря, истреблявшихъ другъ друга. Говорятъ, что, во время Тильзитскаго свиданія Александра I съ Наполеономъ, кѣмъ-то изъ нихъ была произнесена фраза: „Зачѣмъ мы сражаемся другъ противъ друга?“—на что другой собесѣдникъ отвѣтилъ: „Да, это было простое недоразумѣніе“. Такое же громадное недоразумѣніе было и здѣсь подъ Севастополемъ, и во имя этого недоразумѣнія истреблялись ежедневно сотни людей, опустошенъ и разоренъ былъ богатый южный берегъ Крыма, а тамъ гдѣ-то, въ глуши деревень бѣдныя матери оплакивали своихъ сыновей, погибшихъ на „кровоавой нивѣ“, а отцы—своихъ помощниковъ и работниковъ.

Невольно мнѣ пришли тогда на память стихи Лермонтова:

„Жалкій человекъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ — ..... Зачѣмъ?“

Къ вечеру 3-го числа было приказано отправить 12 чел. врачей на лѣвый флангъ нашей позиціи въ Юхаръ-Каралесское ущеліе, гдѣ въ деревнѣ Шуль былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Такъ какъ предполагалось начать сраженіе 4-го августа на разсвѣтѣ диверсіей съ лѣваго фланга, то тутъ ожидалось большое число раненыхъ, вслѣдствіе чего и признано было необходимымъ увеличить число бывшихъ тамъ врачей! Въ число командированныхъ попалъ и я. Мы взяли съ собой вьючныя аптечки и по одному фельдшеру. Присланный для сопровожденія насъ изъ главнаго штаба проводникъ оказался совсѣмъ незнающимъ дороги и повелъ насъ куда-то въ другую сторону. Такъ шли мы съ часъ, пока встрѣтившійся намъ казакъ не указалъ намъ настоящей дороги. Пришли мы въ Шулю часовъ въ 6 утра. Гдѣ-то вдалекѣ слышались пушечныя выстрѣлы. Черезъ полчаса къ намъ начали привозить раненыхъ. Къ счастью, ихъ было здѣсь немного, такъ-что часамъ къ 9-ти уже кончили первую перевязку, при чемъ сдѣлано было 4 ампутаціи конечностей! Больныхъ уложили пока въ пустыхъ татарскихъ сакляхъ.

Вскорѣ оказался недостатокъ въ водѣ, такъ какъ татары, уходя изъ деревни, забили и испортили водопроводъ, а доставленной на пунктъ воды едва хватало на перевязку раненыхъ. Вскорѣ и ранеными, и нами овладѣла мучительная жажда, такъ какъ день былъ очень жаркій. Мы съ докторомъ Добряковымъ, бывшимъ впоследствии медицинскимъ инспекторомъ Московскаго округа, добрались до чинары, чтобы укрыться въ ея тѣни отъ солнца. Кругомъ все было тихо, пальбы не было слышно. Часа въ 3 дня мы получили приказъ возвращаться на Инкерманъ къ своимъ частямъ. По дорогѣ я встрѣтилъ вола, котораго гналъ по направленію къ Шуль какой-то фурштатъ. На мой вопросъ, куда онъ гонитъ вола— онъ отвѣтилъ, что волъ назначенъ для раненыхъ въ Шуль. Когда же я спросилъ, гдѣ котлы и въ чемъ варить пищу,—онъ отвѣтилъ: „Должно быть сзади, а, впрочемъ, не могу знать“. Хорошо, что раненые уже были отправлены куда-то изъ Шули, и эта поздняя присылка живого вола безъ всякихъ средствъ приготовить изъ него пищу оказалась ненужною, но случай этотъ достаточно характеризуетъ интендантскую предусмотрительность.

На обратномъ пути лошадь, везшая одну изъ вьючныхъ аптекъ, оступилась и свалилась въ обрывъ, при чемъ у нея оказалась сломанной нога, фельдшеръ же, ѣхавшій на аптечкѣ, отдѣлался незначительными ушибами. Лошадь прирѣзали, а аптечку оставили лежать въ оврагѣ, такъ какъ везти ее было не на чемъ. Когда на другой день послали за аптечкой, она оказалась уже похищенной кѣмъ-то. Ночью вернулись мы на Инкерманъ и тутъ узнали о результатахъ этого плачевнаго дня: боя подъ Черной рѣчкой, окончившагося полнымъ разгромомъ 3-хъ дивизій: 5-й, 12-й и 17-й. Говорили, что опоздали резервы на помощь, бранили князя Горчакова за то, что онъ не позволилъ ударить на непріятеля со стороны Севастополя. Какъ бы тамъ ни было, дѣло было проиграно съ громаднымъ урономъ для насъ. Въ 5-й дивизіи были ранены начальникъ дивизіи и оба бригадныхъ генерала, всѣ 4 командира были убиты; число же раненыхъ и убитыхъ нижнихъ чиновъ опредѣлялось въ нѣсколько тысячъ человекъ. На разсвѣтѣ 5-го числа насъ разбудили для перевязки раненыхъ, которые лежали въ палаткахъ по 4 чел. въ каждой. Изъ этихъ палатокъ раздавались стоны и крики раненыхъ о помощи. Едва къ вечеру кончили первую перевязку. Подъ конецъ не доставало ни коріи, ни бинтовъ для перевязки: пришлось снимать съ раненыхъ подштанники и рвать ихъ на бинты. На раненыхъ съ переломами конечностей налагалась гипсовая повязка изъ смѣси гипса съ какой-то грязью, вмѣсто воды. Это былъ, кажется, первый опытъ примѣненія гипсо-

вой повязки на войнѣ. Она оказалась очень полезною, такъ какъ, фиксируя члены, она давала возможность перевозить больныхъ безъ большихъ страданій. Утромъ 6-го раненыхъ разсортировали и отправили въ госпиталь, а намъ приказано было отправиться въ Севастополь къ своимъ полкамъ и явиться тамъ къ завѣдующимъ перевязочными пунктами. Въ то время въ Севастополѣ было 2 перевязочныхъ пункта: одинъ на Корабельной слободкѣ, а другой въ Николаевскомъ укрѣпленіи на южной сторонѣ. Первымъ завѣдовалъ д-ръ Неводовскій, а вторымъ—за отъѣздомъ Н. И. Пирогова, профессоръ Кіевскаго университета Гюббенетъ. Меня прикомандировали къ первому и въ тотъ же день назначили на ночное дежурство. Перевязочный пунктъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ провіантскаго магазина. Прибывъ туда, я нашелъ тамъ священника и д-ра Лошкарева, изъ нашей же академіи, но курсами 3-мя старше меня. Ночью, обыкновенно, исправлялись поврежденія въ укрѣпленіяхъ, и потому число раненыхъ ночью увеличивалось, въ эту же ночь оно было особенно велико и достигало 150 чел. Сначала все были легко контуженные, а часовъ въ 7 вечера принесли молодого юнкера съ совершенно раздробленной нижней конечностью. Это былъ юноша съ прекраснымъ, еще женственнымъ лицомъ. Онъ страшно страдалъ, вспоминалъ какое-то женское имя, быть можетъ,—сестры или возлюбленной,—и только разъ слабымъ голосомъ спросилъ, будетъ ли онъ живъ. Прежде, чѣмъ мы успѣли что-нибудь сдѣлать, онъ умеръ отъ кровотеченія.

Картина эта глубоко меня поразила, такъ-что и теперь черезъ много лѣтъ я не могу вспомнить о ней безъ ужаса и отвращенія къ этому страшному повальному убійству, называемому войной. За что, почему, какая-то шальная бомба, пущенная неизвѣстно кѣмъ, прервала только-что распускавшуюся молодую жизнь. И что всего ужаснѣе — пустившій бомбу сдѣлалъ это, вѣроятно, во имя какого-то долга и, быть можетъ, считалъ себя героемъ.

Дежурства на перевязочныхъ пунктахъ были черезъ день. Днемъ обыкновенно дѣлались большія операціи. При нихъ постоянно ассистировала молодая сестра милосердія, дѣвушка лѣтъ 22-хъ. Звали ее Аннушкой. Она съ такимъ искусствомъ помогала хирургамъ, перевязывала артеріи, зашивала раны, что, по словамъ товарищей, замѣняла опытнаго помощника. Она такъ благодушно и сердечно ухаживала за ранеными, что послѣдніе сами просили ее ассистировать во время операцій. Дѣлала она это ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Никакое утомленіе, никакіе труды на нее не дѣйствовали. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней осады, она была убита. Вотъ это была истинная героиня, совершавшая великое дѣло

любви и павшая жертвой сознанія своего высокаго долга. И никто, кажется, не вспомнить о ней потомъ.

Такъ дѣло шло до конца августа. Самъ Севастополь уже лежалъ въ развалинахъ, и въ немъ не оставалось, кажется, цикаго изъ жителей. Былъ какой-то грекъ трактирщикъ, да и тотъ скоро куда-то исчезъ. Дня за 2 до сдачи перевязочные пункты были переведены на другую сторону. Бомбардировка послѣднихъ дней была ужасна. Это былъ какой-то сплошной гуль, съ которымъ не сравнится никакая гроза. Всѣ, какъ будто, ошалѣли отъ него, никакая мысль, никакое соображеніе не приходило вамъ въ голову, такъ-что, когда утромъ 29-го бомбардировка внезапно прекратилась, всѣ были въ какомъ-то недоумѣніи, многіе не вдругъ понимали, что такое случилось. Въ 11 часовъ утра взвилось французское знамя на Малаховомъ курганѣ, и началось отступленіе нашихъ войскъ изъ Севастополя съ южной стороны на сѣверную.

На перевязочномъ пунктѣ на Корабельной слободкѣ было оставлено около 200 раненыхъ, которыхъ не успѣли перевезти на сѣверную сторону. Начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона князь Васильчиковъ поручилъ д-ру Фишеру отправиться на Малаховъ курганъ къ командующему тамъ генералу и просить его отъ имени главнокомандующаго принять этихъ раненыхъ на французскіе перевязочные пункты въ виду возможности взрыва Павловскаго мыска, гдѣ лежали раненые. Всѣ главныя севастопольскія укрѣпленія были заранѣе минированы. Фишеръ досталъ на Малаховомъ курганѣ французскаго главнокомандующаго Пелисье и передалъ ему просьбу Васильчикова. Немедленно всѣ раненые были перенесены во французскій ambulance, а на другое утро взлетѣлъ Павловскій мысокъ. Фишеръ оставался у французовъ 2 дня. Войска перевозились на пароходѣ „Владиміръ“ и на яликахъ, а часть ихъ прошла по наплавному мосту, который былъ устроенъ черезъ бухту заранѣе. Полковыя знамена были вывезены изъ Севастополя за два дня до сдачи ночью, такъ что никто объ этомъ не зналъ. По сдачѣ Севастополя я былъ откомандированъ въ Бахчисарайскій госпиталь, помѣщавшійся въ ханскомъ дворцѣ. Дворецъ этотъ не произвелъ на меня тогда никакого впечатлѣнія, даже знаменитый фонтанъ слезъ вовсе не показался мнѣ величественнымъ. Въ той комнатѣ, гдѣ онъ стоялъ, у насъ былъ пріемный покой. Самъ же Бахчисарай съ его нависшими скалами, стройными, бѣлыми, уходящими въ высь, минаретами производилъ, особенно въ лунную ночь, какое-то чарующее впечатлѣніе.

Больныхъ было много; часть ихъ лежала на койкахъ, а часть на полу, на циновкахъ. Въ госпиталяхъ было довольно

грязно, вслѣдствіе стѣсненія больныхъ. Раны заживали медленно, плохо, сильно гноились, разныя насѣкомыя клали въ нихъ свои яйца, изъ которыхъ развивались гусеницы, для удаленія которыхъ употреблялось смазываніе скипидаромъ. Явленіе это я видѣлъ въ первый разъ и нигдѣ потомъ мнѣ не пришлось его видѣть.

Нѣкоторыя раны были очень курьезны. Такъ у одного офицера пуля ударила въ верхній край правой глазницы, скользнула по лицу внизъ, разорвала край верхней губы, затѣмъ разбила правую горизонтальную вѣтвь нижней челюсти, оттуда прошла черезъ правую ключицу близъ соединенія ея съ грудною костью и вышла надъ третьимъ ребромъ, не затронувъ большихъ сосудовъ. Этого больного я видѣлъ потомъ въ Симферополѣ совершенно выздоровѣвшимъ. Помню еще одну рану: пуля ударила въ правую верхнюю челюсть, пробила ее надъ зубнымъ отросткомъ, но куда дѣлась потомъ—мы не могли отыскать, больной жаловался только на боль при глотаніи, что заставило предположить, что пуля засѣла гдѣ-нибудь сбоку пищепріемника. Вдругъ въ одно утро больной сталъ жаловаться на боль въ лѣвой сторонѣ живота, и, къ удивленію нашему, вмѣстѣ съ поставленнымъ клистиромъ вышла пуля.

Въ Бахчисараѣ я пробылъ до конца сентября, а потомъ былъ откомандированъ въ полкъ, стоявшій въ Бельбекскомъ ущельѣ, въ которомъ расположены были полковые лазареты 4-ой дивизіи.

До 15-го ноября я вмѣстѣ съ полкомъ переходилъ съ одной позиціи на другую. Въ то время былъ сформированъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій—4-ой и 5-ой, одной драгунской бригады и нѣсколькихъ батарей артиллеріи особый отрядъ, состоявшій подъ командой генерала Офросимова, бывшаго впоследствии московскимъ генераль-губернаторомъ. Отрядъ этотъ прикрывалъ тылъ нашей арміи со стороны Евпаторіи, гдѣ въ то время находились союзники. Такъ какъ было опасеніе, что они могутъ прервать сообщеніе нашей арміи съ Россією, то отрядъ нашъ постоянно переходилъ съ одной позиціи на другую. Съ этимъ отрядомъ странствовалъ и я. Это было самое бездѣятельное время моего пребыванія въ Крыму.

Утромъ осмотришь 2—3 заболѣвшихъ солдатъ, отправишь ихъ въ госпиталь, а затѣмъ до обѣда бродишь по горамъ и ущеліямъ. Время шло чрезвычайно однообразно и скучно; единственнымъ развлеченіемъ были карты. Ни газетъ, ни журналовъ, ни другихъ книгъ не было—и что дѣлалось въ Россіи, мы не знали. Даже писемъ мы не получали оттуда. Мы вели чисто цыганскую жизнь.

Къ 15-му ноября нашъ и 6-ой корпусъ были расформированы. Мы сдали людей въ остающіеся въ Крыму полки, для ихъ пополненія, а сами въ кадровомъ составѣ должны были вернуться въ

Подольскую и Кіевскую губерніи для новаго сформированія. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ Могилевъ-Подольскій. Всѣхъ младшихъ врачей откомандировали въ военно-временные госпитали. Я былъ назначенъ въ Перекопъ, куда и отправился 15-го ноября. Перекопъ представлялъ тогда грязную клоаку, переполненную ранеными и больными, преимущественно, тифомъ. Главное зданіе госпиталя помѣщалось въ зданіяхъ бывшаго соляного управленія, но большинство больныхъ лежало въ частныхъ домахъ, выстроенныхъ, большею частью, изъ кизяка, сырыхъ и тѣсныхъ. Только часть больныхъ помѣщалась на койкахъ, большинство же лежало на полу на цыновкахъ. Не хватало ни бѣлья, ни перевязочныхъ средствъ, пища больныхъ была плохая и, большею частью, холодная, такъ какъ покуда ее разносили по отдѣльнымъ домикамъ, она успѣвала остыть. При этихъ условіяхъ у больныхъ часто развивались поносы. Смертность больныхъ была огромная, недостатокъ во всемъ ощущался страшный. Говорили, что изъ Россіи шли пожертвованія и бѣльемъ, и перевязочными припасами, но до насъ они не доходили. Ничего подобнаго Красному Кресту, оказавшему такую дѣятельную помощь въ войну съ турками въ 1877—78 г.г., не было; приходилось довольствоваться только тѣмъ, что отпускала казна, но изъ этого много прилипало къ рукамъ интендантскихъ чиновниковъ. Вообще наши военно-временные госпитали, какъ въ Крымскую, такъ и въ послѣднюю войну съ турками, представляли изъ себя нѣчто ужасное. Когда я осматривалъ выставку картинъ В. В. Верещагина изъ послѣдней турецкой войны, то отъ души пожалѣлъ, что онъ не написалъ нѣсколькихъ картинъ изъ быта военно-временныхъ госпиталей. Онѣ достойнымъ образомъ заключили бы серію его картинъ и дали бы ясное и точное представленіе о всѣхъ ужасахъ, сопровождающихъ войну.

2-го декабря я выѣхалъ изъ Перекопа въ Херсонъ, съ транспортомъ больныхъ въ 400 чел. Больныхъ везли на тѣхъ же ужасныхъ лазаретныхъ фурахъ, о которыхъ я говорилъ выше, а болѣе легкихъ—на обывательскихъ подводахъ. Маршрутъ былъ данъ не по прямой большой дорогѣ, а по проселочной. Ночлеги были, большею частью, въ раскольничьихъ слободахъ съ чистыми выбѣленными хатками. Погода была все время прекрасная, ясная и солнечная съ небольшими заморозками по утрамъ въ—1°—2°. Къ вечеру 2-го я почувствовалъ сильную головную боль и тяжесть въ головѣ, на другой день едва могъ сѣсть въ повозку, а 4-го меня уложили въ нее. У меня оказался сыпной тифъ, которымъ я заразился въ Перекопѣ. Въ безсознательномъ состояніи меня привезли 16-го декабря въ Херсонъ и помѣстили въ военно-временномъ го-

спиталь № 53, находившемся въ городѣ. Дня черезъ 2, я пришелъ въ себя и началъ быстро поправляться. Спасеніе свое я приписываю тому, что цѣлые дни находился на свѣжемъ воздухѣ, а не въ ужасной зараженной ямѣ, называемой Перекопомъ. Тамъ я, навѣрно, померъ бы. Выздоровленіе шло довольно быстро, такъ что въ 10-хъ числахъ января, когда заболѣлъ тифомъ ординаторъ нашего отдѣленія Андреевъ, мнѣ было поручено завѣдываніе имъ. Въ немъ было 150 человекъ больныхъ и въ томъ числѣ около 40 плѣнныхъ французовъ. Это былъ, большею частью, народъ молодой, веселый и очень общительный.

Съ нашими солдатами они сближались очень быстро, какимъ-то образомъ, понимали другъ друга и оказывали другъ другу взаимную помощь. Въ числѣ французовъ былъ очень симпатичный молодой сержантъ, уроженецъ Корсики. Ярый республиканецъ, онъ ненавидѣлъ Наполеона III-го всѣми силами своей души и говорилъ о немъ съ яростью. Моя комната помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, а рядомъ жили 2 сестры милосердія, изъ которыхъ одна была молодая, довольно симпатичная полька, очень живая. По вечерамъ въ свободное время или у меня въ комнатѣ, или у сестеръ мы играли въ лото, къ которому скоро пристроился и мой сержантъ. Онъ довольно быстро научился называть цифры и кое-что понимать по-русски, но еще быстрѣе влюбился въ молодую польку и сдѣлалъ ей предложеніе. На бѣду его у польки оказался женихъ, пріѣзда котораго она ожидала съ часа на часъ. Когда сержантъ узналъ объ этомъ, то отчаянію и ярости его не было границъ. Онъ грозился убить соперника, какъ только встрѣтитъ его, при чемъ приходилъ въ страшное изступленіе, такъ что иногда дѣлался даже опаснымъ. Пришлось предметъ его страсти перевести въ другой госпиталь, стоявшій въ какомъ-то селеніи верстахъ въ 30 отъ Херсона. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ насъ, такъ что пришлось въ концѣ концовъ его выписать и сдать въ распоряженіе военнаго начальства, которое скоро отправило его съ партіей плѣнныхъ въ Одессу.

Въ первой половинѣ февраля я получилъ предписаніе вернуться въ полкъ, стоявшій тогда въ Могилевѣ Подольской губ., куда послѣ разнаго рода приключеній прибылъ 16 февраля. вмѣстѣ съ этимъ окончилась моя кочевая военно-походная жизнь. Жизнь эта дѣйствуетъ на людей деморализующимъ образомъ: частыя перекочевки съ одного мѣста на другое, отсутствіе газетъ и книгъ для чтенія притупляетъ вашу нервную систему до такой степени, что даже къ виду страданій окружающихъ васъ людей вы дѣлаетесь индифферентны; впечатлѣнія ваши дѣлаются неглубокими,

поверхностными, какъ бы скользять по предметамъ, вашъ мозгъ, при отсутствіи умственныхъ возбужденій, засыпаетъ, моральное чувство также притупляется, такъ что вы равнодушно проходите мимо явленій, которыя въ другое время вызвали бы въ васъ негодованіе, или ужасъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля я уѣхалъ изъ Могилева въ село Носковцы того же уѣзда, гдѣ былъ устроенъ баталіонный лазаретъ и гдѣ я пробылъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Пребываніе въ этомъ прекрасномъ уголкѣ, гдѣ все дышало спокойствіемъ мирной деревенской жизни, благотѣльно подѣйствовало на меня какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Правильная и спокойная жизнь, занятія въ лазаретѣ, приемы больныхъ крестьянъ, чтеніе книгъ, которыя я получалъ изъ богатой господской библіотеки, привели, наконецъ, въ равновѣсіе мою нервную систему.

Въ іюнѣ 1856-го года полкъ былъ переведенъ въ г. Радомысль Кіевск. губ. Это небольшой городокъ на рѣкѣ Тетеревѣ, довольно грязный въ то время, съ развалинами униатской метрополіи. Общество состояло частью изъ помѣщиковъ, а, главнымъ образомъ, изъ чиновниковъ, по преимуществу поляковъ. Помѣщиковъ въ уѣздѣ было много также исключительно поляковъ, русскихъ же во всемъ уѣздѣ было только двое, такъ что польскій языкъ являлся господствующимъ. Мы очень скоро и хорошо сблизились съ обществомъ и съ ближайшими къ городу помѣщиками. Жизнь тамъ шла довольно пріятно. Польское общество въ то время не чуждалось такъ русскихъ, какъ это сдѣлалось послѣ возстанія. Оно отличалось любезностью, гостепримствомъ и чрезвычайной простотою жизни.

Сельское населеніе уѣзда, несмотря на хорошія мѣстныя условія, жило довольно бѣдно, чему главною причиною была крѣпостная зависимость крестьянъ. Хотя во время генераль-губернаторства въ Кіевѣ Бибикова во всемъ Юго-западномъ краѣ были введены, такъ называемыя, инвентарныя правила, цѣлью которыхъ было урегулированіе отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, но во-первыхъ, въ самихъ этихъ правилахъ скорѣе ограждались интересы помѣщиковъ, чѣмъ крестьянъ, и съ другой стороны—въ случаѣ нужды правила эти обходились очень легко, чему помогала сама мѣстная администрація. Кромѣ того много имѣній было въ рукахъ арендаторовъ изъ мѣстной шляхты, или такъ называемыхъ поссессоровъ, которые всѣми правдами и неправдами выжимали изъ крестьянъ какъ можно больше дохода въ ущербъ благосостоянію ихъ. Отсутствіе мѣстныхъ рынковъ и мало-мальски сносныхъ путей сообщенія дѣлало сбытъ сельскихъ продуктовъ крайне затруднительнымъ и ставило крестьянъ въ полную зависимость

при сбытѣ ихъ отъ евреевъ скупщиковъ, да и сами помѣщики въ этомъ отношеніи были въ рукахъ евреевъ, такъ что послѣдніе были бы полными хозяевами экономическаго положенія края. Въ ихъ рукахъ были цѣны на всѣ сельскіе продукты и, зная хорошо положеніе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, они всегда умѣли скупать ихъ вѣ-время, т. е. тогда, когда, какъ тѣ, такъ и другіе наиболѣе нуждались въ деньгахъ. Недовольство своимъ положеніемъ среди крестьянъ было общее и время отъ времени выражалось мелкими вспышками, усмиряемыми мѣстной администраціей, иногда при помощи розогъ. Прибавьте къ этому различіе вѣроисповѣданій, такъ какъ помѣщики были католики, а крестьяне—православные, или обращенные изъ бывшихъ униатовъ, различіе языковъ (помѣщики говорили по-польски, а крестьяне на русинскомъ нарѣчій), и вы поймете, какая рознь существовала между этими двумя сословіями. Крестьяне глубоко ненавидѣли своихъ помѣщиковъ, которые ничего не дѣлали для улучшенія ихъ быта, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Во всемъ уѣздѣ не было ни одной школы, ни одной больницы; нигдѣ и ни въ комъ крестьяне не имѣли для себя защитника. Администрація по большей части поддерживала помѣщиковъ, православное духовенство, которое должно бы было быть естественнымъ защитникомъ крестьянъ, по своей малообразованности само было въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, да и мало думало объ интересахъ первыхъ.

А время было замѣчательное, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Послѣ Крымской войны, открывшей всѣ язвы нашего общественнаго строя, новымъ воздухомъ повѣяло въ Россіи. Гнетъ, лежавшій на русской мысли и русской литературѣ, началъ ослабѣвать, журналы оживились, стали возникать новые, въ томъ числѣ „Русскій Вѣстникъ“, который въ первые годы своего существованія проповѣдовалъ англійскій конституціонализмъ и вообще по своимъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ либеральному лагерю; появилось новое полное изданіе соч. Пушкина и переводы многихъ иностранныхъ книгъ; открыты были двери университетовъ, и преподаваніе въ нихъ стало болѣе свободно, соотвѣтственно современнымъ научнымъ требованіямъ. Само общество оживилось и съ увлеченіемъ стало заниматься политическими и общественными вопросами. Разумѣется, самымъ главнымъ вопросомъ, занимавшимъ всѣ умы, былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, какъ о страшномъ тормозѣ, лежавшемъ на пути къ развитію и прогрессу въ Россіи. Намъ казалось, что съ уничтоженіемъ его всѣ другіе вопросы будутъ разрѣшены

легко въ самомъ благопріятномъ смыслѣ для дальнѣйшаго развитія нашего отечества.

Вопросъ этотъ постоянно возбуждалъ самые горячіе споры въ обществѣ между тогдашними „отцами“ и „дѣтьми“. Къ сожалѣнію, въ одномъ случаѣ подобный споръ окончился очень трагически.

У насъ былъ молодой офицеръ Гронъ. По окончаніи курса на математическомъ факультетѣ Московскаго университета онъ поступилъ въ калужское ополченіе. По окончаніи войны, онъ рѣшился остаться на военной службѣ и перешелъ въ нашъ полкъ съ намѣреніемъ года черезъ 2 выдержать экзаменъ въ академію генеральнаго штаба. Это былъ милый, чрезвычайно образованный и благородный молодой человекъ. Мы часто проводили вмѣстѣ цѣлые вечера за чтеніемъ и бесѣдами. Какъ хорошій знатокъ нѣмецкаго языка, онъ познакомилъ меня съ Гёте, Шиллеромъ и другими нѣмецкими авторами, а также съ нѣмецкой философіей, въ которой я былъ тогда полнѣйшій невежда. На вечерѣ у одного офицера, по обычаю, зашелъ споръ о крѣпостномъ правѣ, который мало-помалу перешелъ къ вопросу о дурномъ обращеніи офицеровъ съ солдатами и въ особенности съ денщиками, за что Гронъ всегда жестоко нападалъ на офицеровъ.

Во время этого спора бывший тутъ баталіонный командиръ маіоръ Щечка, человекъ очень грубый и жестокій, сказалъ Грону какую-то дерзость. Тотъ на дерзость отвѣтилъ также дерзостью. Разгоряченный виномъ Щечка бросился на Грона съ кулаками. Послѣдній, желая отпарировать ударъ, оттолкнулъ Щечку такъ сильно, что тотъ упалъ, при чемъ Гронъ сорвалъ съ него погонь. Дѣло было не шуточное. Какъ ни старались мы успокоить ихъ и заставить помириться, намъ это не удалось, и Щечка на другой день подалъ обо всемъ происшедшемъ рапортъ полковому командиру. Началось слѣдствіе, и Гронъ былъ преданъ военному суду, который приговорилъ его къ 12-ти лѣтней каторжной работѣ, а Щечкѣ былъ сдѣланъ только выговоръ. Мы всѣ страшно жалѣли Грона. Наканунѣ объявленія приговора онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ револьвера, доставленнаго ему кѣмъ-то изъ товарищей на гауптвахту.

Положеніе Радомысля въ то время было не особенно выгодно въ санитарномъ отношеніи. Средняя часть его находится на довольно возвышенной и сухой мѣстности, которая, постепенно склоняясь къ западу и востоку, подъ конецъ дѣлается крайне грязной и низменной, почти болотистой. Протекающая въ южной сторонѣ его рѣка Тетеревъ представляетъ огромное болото, выдѣляющее зловредныя малярійныя испаренія. Полковой лазаретъ помѣщался

на западной оконечности города въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки и постоянно подвергался вліянію этихъ испареній. Другого помѣщенія для лазарета найти было нельзя.

Въ уѣздѣ также было много болотистыхъ мѣстностей. Вслѣдствіе этого болотныя лихорадки были тамъ очень часты, очень упорны и нерѣдко злокачественны. Къ тому же, мы въ то время употребляли хининъ крайне неумѣло, давали его на пріемъ отъ 2—5 гранъ—не болѣе, отчего лихорадочные пароксизмы затягивались, что въ свою очередь вело къ истощенію малярійныхъ больныхъ и развитію у нихъ малярійнаго худосочія съ водянками, изнурительными поносами и другими его послѣдствіями, поэтому число больныхъ въ полковомъ лазаретѣ было всегда очень велико, до 150 и болѣе человекъ. Смертность была довольно большая. Она вызывала слѣдующее курьезное явленіе. Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, высшее военное начальство постановило, что смертность въ войскахъ не должна превышать 10% заболѣваній, при чемъ расчетъ этотъ дѣлался не за годъ, а помѣсячно; въ случаѣ превышенія этой нормы за какой-нибудь мѣсяць, назначалось дознаніе о причинахъ возвышенія смертности, а иногда и формальное слѣдствіе, что, конечно, вело къ большимъ неприятностямъ какъ для командира полка, такъ и для врачей. А такъ какъ общая годовая смертность не превышала 10%, то установился такой обычай: при мѣсячныхъ отчетахъ часть умершихъ, превышавшая эту норму, показывалась еще въ живыхъ и затѣмъ уже распредѣлялась на тѣ мѣсяцы, гдѣ смертность была ниже. Такіе умершіе назывались „экономическими“ умершими, такъ какъ на нихъ получалось все казенное довольствіе и жалованіе, остававшееся въ экономіи у командира полка. Въ маѣ 1858-го года по случаю перевода старшаго врача въ другой полкъ и назначенія на его мѣсто врача изъ Омскаго военнаго госпиталя, я долженъ былъ принять въ свое завѣдываніе полковой лазаретъ. При сдачѣ его, бывший старшій врачъ Гришановъ предложилъ мнѣ принять 13 или 14 такихъ умершихъ. Я долго не соглашался на это, наконецъ долженъ былъ это сдѣлать, такъ какъ въ случаѣ моего отказа Гришанову грозило слѣдствіе. Онъ меня убѣдилъ тѣмъ, что слѣдующіе лѣтніе мѣсяцы процентъ смертности будетъ, конечно, меньше, и я успѣю показать ихъ въ вѣдомостяхъ до пріѣзда новаго врача, который, конечно, не могъ скоро пріѣхать изъ Омска. На мою бѣду въ слѣдующіе мѣсяцы смертность была довольно высока, такъ что къ концу августа у меня оставалось 5 человекъ въ запасъ. Съ большимъ волненіемъ ждалъ я пріѣзда новаго врача, такъ какъ онъ могъ бы не принять этихъ умершихъ, и я подпалъ бы подъ слѣд-

ствіе. Къ счастью дѣло окончилось благополучно. Новый врачъ оказался человѣкомъ знакомымъ съ этимъ нелѣпнымъ порядкомъ и принялъ лазаретъ безъ всякихъ возраженій.

Часть II.

Глава I.

Торжокъ, купцы и чиновники.

Лѣтомъ 1859-го года я былъ переведенъ изъ Ладожскаго полка во Владимірскій уланскій, который стоялъ тогда въ городѣ Торжкѣ Тверской губерніи. Приѣхавъ въ Торжокъ въ концѣ іюля, я остановился въ гостиницѣ Пожарскаго, знаменитой тогда своими пожарскими котлетами и своей хозяйкой Дарьей Евдокимовной Пожарской. Судя по рассказамъ о ней, это была женщина большого ума, чрезвычайно властолюбивая и хорошо знавшая людей, а потому умѣвшая пользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей. Она сумѣла приобрѣсти расположеніе Императора Николая Павловича, хорошо понявъ его характеръ.

Въ своихъ переѣздахъ изъ Петербурга въ Москву онъ всегда останавливался въ ея гостиницѣ. Пожарская встрѣчала его у подъѣзда съ хлѣбомъ-солью, подъ его ноги отъ кареты до крыльца она разстилала въ видѣ ковра дорогую соболью шубку. Это вниманіе чрезвычайно трогало Императора, и, принявъ хлѣбъ-соль, онъ любилъ бесѣдовать съ ней о разныхъ разностяхъ. Она умѣла также приобрѣсти расположеніе приближенныхъ къ нему: князя Волконскаго, Орлова и другихъ. Все это давало ей возможность обдѣлывать разные дѣла, не всегда чистыя. Такъ, на примѣръ, всѣмъ было памятно тогда дѣло Дуниня-Борковскаго. Это былъ очень богатый помѣщикъ Тверской губерніи, находившійся вслѣдствіе своего слабоумія подъ опекою. Это, конечно, не нравилось ни его супругѣ, ни нѣкоторымъ изъ его родственниковъ. Пожарская, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, умѣла представить это дѣло Государю въ такомъ видѣ, будто Дунинъ-Борковскій—человѣкъ совершенно здоровый и опека надъ нимъ учреждена неправильно. По повелѣнію Государя дѣло было пересмотрѣно, и Борковскій былъ признанъ совершенно здоровымъ. Опека была снята съ него. Тогда началось расхищеніе его имѣнія женою и нѣкоторыми изъ его родственниковъ, при чемъ безъ сомнѣнія досталось и на долю Пожарской.

Несмотря на подобныя дѣла, довѣріе Государя къ ней ни разу не поколебалось, такъ какъ, разумѣется, за нею были дѣла и хорошія: такъ она часто хлопотала за разныхъ сиротъ, устраивала помѣщеніе ихъ въ разныя учебныя заведенія, хлопотала за лицъ, неправильно осужденныхъ тогдашними судами, что при безгласности того времени случалось нерѣдко, если обвиняемый не имѣлъ средствъ откупиться, или сильныхъ защитниковъ. Государь нерѣдко, по ея ходатайству, приказывалъ пересматривать дѣла и отмѣнять состоявшіеся уже приговоры. Вслѣдствіе этого она имѣла огромное значеніе въ городѣ; не только тогдашнее безгласное купечество, но и дворянство прибѣгало къ помощи Дарьи Евдокимовны, испрашивая себѣ разныя милости отъ Государя.

Я самъ не засталъ ее уже въ живыхъ, но пишу это по рассказамъ, тогда еще свѣжимъ, мѣстныхъ жителей. Въ гостиницѣ, которая существуетъ до сихъ поръ, хранится ея портретъ, писанный, какъ говорятъ, Брюлловымъ. На немъ она изображена круглолицей, здоровой и красивой женщиной чисто русскаго типа, съ свѣтлорусой косой и умными карими глазами. На рукахъ она держитъ ребенка въ кружевной рубашкѣ, какъ говорятъ, внука бывшаго тогда министромъ Двора князя Волконскаго.

Торжокъ по внѣшности мало измѣнился съ тѣхъ поръ, прибавилось только нѣсколько зданій да выстроены новый постоянный мостъ черезъ Тверцу. Но внутренній характеръ города и образъ жизни его обывателей измѣнились во многомъ такъ, что, я полагаю, не безъинтереснымъ будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что я засталъ сорокъ лѣтъ назадъ.

Первенствующими сословіями въ городѣ были купечество и чиновничество. Офицеры уланскаго полка, жившіе въ небольшомъ числѣ въ городѣ и принадлежавшіе большею частью къ помѣщикамъ Тверской и сосѣднихъ губерній, такъ какъ полкъ стоялъ около сорока лѣтъ въ городѣ, въ образѣ своей жизни ничѣмъ не отличались отъ жизни тогдашняго дворянскаго общества и по своей немногочисленности не имѣли большого значенія въ городѣ, а потому мы будемъ говорить теперь только о купечествѣ и чиновничествѣ.

Новоторжское купечество было тогда очень богато и сильно. Въ то время было немало фирмъ, торговавшихъ на сотни тысячъ. Главнымъ раіономъ ихъ торговой дѣятельности были поволжскія пристани, начиная съ Рыбинска, вплоть до самыхъ низовьевъ Волги. Тутъ они скупали, главнымъ образомъ, пшеницу и овесъ.

Овесъ отправлялся большею частью въ Англію, такъ что въ этомъ случаѣ новоторжскіе купцы являлись только посредниками между производителями и потребителемъ—Англіей. Пшеница же перемалывалась на крупчатыхъ мельницахъ, находившихся при рѣкѣ Осугѣ, принадлежащей почти всецѣло Новоторжскому уѣзду, и уже въ видѣ муки продавалась частью за границей, частью въ Петербургѣ и въ городахъ, лежавшихъ къ западу отъ Московскаго шессе и не имѣвшихъ ни капиталовъ, ни тѣхъ благопріятныхъ для торговли условій, которыми обладалъ Торжокъ. Торговля велась такимъ образомъ: осенью купцы отправляли своихъ приказчиковъ на всѣ пристани и тамъ скупали хлѣбъ, частью большими партіями у помѣщиковъ, частью у крестьянъ съ возовъ, привозимыхъ на базары.

Послѣдній способъ покупки считался приказчиками болѣе выгоднымъ для нихъ, такъ какъ тутъ представлялось обширное поле для разнаго рода обмѣриваній, обвѣшиваній и обсчитываній при расчетахъ. Послѣднее особенно практиковалось съ добродушными инородцами южныхъ губерній Поволжья. Говорятъ, что иногда рассчитывались даже фальшивыми бумажками, которыя доставлялись въ Торжокъ откуда-то изъ Финляндіи, хотя это не всегда было безопасно. Случалось, что обманутые мужички, узнавъ о томъ, что ихъ надули, догоняли обманщиковъ и колотили ихъ изрядно, иногда даже до смерти. Приказчики сильно наживались при этихъ покупкахъ, и случалось нерѣдко, что ловкій приказчикъ, ѣздившій лѣтъ десять подрядъ на пристани, самъ дѣлался купцомъ, на что, впрочемъ, хозяева не претендовали, лишь бы они давали барыши и имъ, хозяевамъ. Купленный зимой хлѣбъ грузился на барки и доставлялся водой въ Торжокъ въ теченіе лѣта. Здѣсь онъ перемалывался и слѣдующей весной отправлялся въ Петербургъ, такъ что весь оборотъ продолжался почти два года. Хлѣбная торговля, конечно, существовала и въ другихъ центрахъ, но Торжокъ задавалъ тонъ обиліемъ своихъ фирмъ и ихъ солидарностью.

Домашняя жизнь купечества была крайне замкнута. Каждый домъ болѣе или менѣе зажиточнаго купца представлялъ родъ крѣпости, проникнуть въ которую было довольно затруднительно. Дворъ окруженъ былъ хозяйственными постройками и каменной стѣной. Тяжелыя деревянныя ворота были постоянно на замкѣ, и возлѣ нихъ всегда стоялъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, представлявшій изъ себя первую ступень служебной іерархіи.

Чтобы попасть въ домъ, надо было сначала переговорить съ мальчикомъ, объяснить ему, кто вы и какое имѣете дѣло къ хо-

зяину, послѣ чего мальчикъ уходилъ, заперши калитку на засовъ. Затѣмъ являлся приказчикъ постарше и, по снятіи съ васъ того же вопроса, также исчезалъ на нѣкоторое время. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого васъ, наконецъ, выпускали во дворъ, и приказчикъ вводилъ васъ въ первую комнату дома. Тутъ находился третій приказчикъ, который шелъ доложить о васъ хозяину. Наконецъ являлся хозяинъ и, пригласивъ васъ сѣсть, начиналъ съ вами разговоръ. Въ это время приносился чай, и вы волей-неволей должны были его пить, чтобы обезпечить успѣхъ своего дѣла. Тутъ только начинался дѣловой разговоръ. Если дѣло было слажено, то хозяинъ приглашалъ васъ въ другую комнату, гдѣ на столѣ была приготовлена водка и закуска. Хозяинъ поздравлялъ васъ съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла и предлагалъ выпить водки, а если вы не пьете водки, то сквернаго Елисеѣвскаго хереса или не менѣе сквернаго сотерна. Безъ этихъ китайскихъ церемоній не обходилась ни одна торговая сдѣлка. Даже доктора должны были проходить черезъ всю эту шеренгу приказчиковъ, чтобы попасть къ больному. При этомъ экипажъ доктора вводился во дворъ, чтобы проходящіе не видали, что въ домѣ докторъ, ибо болѣть и лѣчиться было „засорно“. Безъ дѣла никогда не ходили другъ къ другу даже ближайшіе родственники. Собирались только въ разные торжественные семейные праздники. Тогда, кромѣ родныхъ, приглашались ближайшіе богатые сосѣди, приходскій священникъ, а иногда и лица, имѣвшія торговые дѣла съ хозяевами. Приглашался обыкновенно только глава семейства съ женой, сыновья же, а тѣмъ болѣе дочери не приглашались. Начиналось дѣло обыкновенно съ закуски, подававшейся не на обѣденномъ столѣ, а на другомъ. Закусывали большею частію такъ усердно, что многіе садились за столъ полупьяными. Женщины или не закусывали вовсе или закусывали потихоньку въ комнатѣ хозяйки, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ также усердно пили водку или наливки домашняго приготовленія, преимущественно рябиновую. Обѣдъ былъ шаблонный и состоялъ обыкновенно изъ кулебяки, куринаго супу, холоднаго поросенка и какого-нибудь жаркаго. Въ постные дни, конечно, обѣдъ былъ рыбный. За обѣдомъ пили также водку и плохія Елисеѣвскія вина. Въ богатыхъ домахъ пили шампанское, а въ менѣе зажиточныхъ какое-то тоттенское, отъ одного бокала котораго порядочнаго человѣка начинало тошнить. При этомъ однимъ изъ наемыхъ лакеевъ провозглашались тосты за хозяина, хозяйку и т. д. Никакихъ рѣчей не произносилось. По окончаніи обѣда часть гостей расходилась, а болѣе близкіе оставались играть въ карты. Играли обыкновенно въ стуколку. Часа черезъ два послѣ обѣда снова по-

давалась закуска и начинались возліанія. Рѣдкій обѣдъ обходился безъ инцидентовъ, изъ которыхъ самымъ незначительнымъ была крупная ссора. Но бывали случаи, когда нѣкоторые изъ гостей выходили съ синяками подъ глазами или другими признаками насилія. И это нисколько не считалось оскорбленіемъ, такъ что соперники, поколотивши другъ друга, встрѣчались на другой день безъ всякой злобы или раздраженія другъ противъ друга.

Свадебные обѣды отличались большею торжественностью и болѣе обильными возліаніями. Вечеромъ бывали обыкновенно танцы, на которые приглашались молодые кавалеры и дѣвицы, большею частію изъ родственниковъ. Иногда приглашались и подруги невѣсты; танцевали кадрили и польку.

Помимо этихъ, такъ сказать, торжественныхъ собраній, даже близкіе родственники никогда не ходили другъ къ другу. Молодежь сближалась между собой большею частію на лавочкахъ, которыя были у воротъ почти cadaго дома. Обыкновенно послѣ вечерняго чая на эти лавочки собирались дѣвицы, къ нимъ являлись поклонники, сидѣли и болтали до поздней ночи. Большею частію эти ухаживанья, за которыми родители почти не наблюдали, заканчивались бракомъ.

Кромѣ того, молодежь встрѣчалась лѣтомъ еще на городскомъ бульварѣ. Каждое воскресенье и каждый праздникъ тамъ играла полковая музыка. Прекрасный полъ, принарядившись въ лучшія платья, пока было свѣтло и играла музыка, сидѣлъ на лавочкахъ по сторонамъ бульварныхъ аллей. Молодежь мужского пола гуляла по аллеямъ. Дѣвицы и молодыя дамы сидѣли чинно, едва-едва переговаривали другъ съ другомъ, рѣдко на какомъ лицѣ увидишь, бывало, улыбку. Но, какъ только стемнѣетъ, картина сразу мѣнялась: дѣвицы и кавалеры гуляли парами, слышался веселый смѣхъ, часто какія-то взвизгиванья, показывавшія, что ухаживанья стали болѣе энергичны. Затѣмъ кавалеры провожали своихъ дамъ до дома, гдѣ еще долго просиживали на лавочкахъ. Нерѣдко и эти ухаживанья оканчивались бракомъ, часто противъ воли родителей, такъ называемымъ уходомъ. Одно время это даже было обычной формой заключенія брака. Родители противъ этого не возставали, такъ какъ это избавляло ихъ отъ расходовъ на приданое и брачные пиры. Обыкновенно же браки заключались при посредствѣ свахъ, нерѣдко противъ воли брачащихся.

Жители города, казалось, были очень религіозны. По воскресеньямъ и по праздникамъ почти всѣ ходили къ заутренѣ и къ

обѣднѣ. Въ домахъ передъ иконами постоянно теплились лампадки. Кромѣ того, купцы заботились объ украшеніи церквей, лили громадные колокола, ставили вокругъ церквей ограды, а въ дѣлѣ благотворительности ограничивались раздачей по праздникамъ милостыни въ видѣ копеечныхъ или двухкопеечныхъ подаяній, большая часть которыхъ шла на кабаки.

Посты соблюдались очень строго. Но эта религіозность была чисто внѣшняя, не проникнутая духомъ христіанскаго ученья о любви. Была масса суевѣрій, которыя держались крѣпко, благодаря всеобщему невѣжеству.

Болѣе глубокой религіозностью отличались раскольники, которыхъ было не мало въ Торжкѣ. Кромѣ старообрядцевъ разныхъ толковъ, были еще раскольники австрійскаго священства, имѣвшіе собственную церковь. Раскольники очень дѣятельно поддерживали другъ друга въ матеріальномъ отношеніи, такъ что между ними не было крайней бѣдности. Въ нѣкоторыхъ сектахъ наблюдалась даже нѣкоторая общность имуществъ. Послѣдователи этихъ сектъ не имѣли права дѣлить оставшійся послѣ ихъ смерти капиталъ между дѣтьми и ближайшими наслѣдниками, въ пользу которыхъ поступала только самая малая часть капитала, все остальное поступало въ пользу общины. Сектанты эти составляли хорошую доходную статью полиціи, которая за это оставляла ихъ въ покоѣ безъ преслѣдованья, не трогая ихъ тайныхъ молеленъ.

Въ настоящее время, конечно, многое перемѣнилось; число сектантовъ уменьшилось, и среди нихъ замѣчается внутреннее разложеніе.

Въ домашней жизни царствовалъ самый грубый, самый жестокій произволь. Домохозяинъ былъ полный владыка въ своемъ домѣ— все передъ нимъ трепетало, все ему повиновалось; но въ то же время всѣ его обманывали, начиная съ жены и кончая послѣднимъ работникомъ. Деспотизмъ этотъ особенно тяжело отзывался на дѣтяхъ. Даже взрослые сыновья не смѣли шагу сдѣлать безъ воли родительской и все скрывали отъ нихъ.

Ни вина, ни водки не смѣли они пить въ присутствіи отца. Но, за то, вырвавшись на волю, они предавались грубому разврату и кутежамъ. Большею частію послѣ ужина, когда родитель отоидетъ ко сну, взрослые сыновья уходили изъ дома въ трактиры, гдѣ, кромѣ пьянства, предавались, разумѣется, и разврату. Это часто вело къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ въ случаѣ заболѣванья сифилисомъ, что встрѣчалось нерѣдко, они скрывали отъ

родителей, лѣчились потихоньку у фельдшеровъ или рѣдко у кого-нибудь изъ врачей. При такихъ условіяхъ лѣченье шло неправильно, послѣдствіемъ чего часто являлись самыя застарѣлыя формы сифилиса. И все это вмѣстѣ съ пьянствомъ вело къ вырожденію цѣлыхъ родовъ. Особенно сильно кутила молодежь на пристаняхъ, куда ихъ посылали для закупи хлѣба вмѣстѣ со старшими приказчиками, которые въ своихъ интересахъ покровительствовали кутежамъ молодыхъ ховяевъ.

Дѣтей своихъ купцы учили очень мало, большею частью у мѣстныхъ дьяконовъ и причетниковъ читать, писать, часослову и первымъ правиламъ ариѳметики. Кромѣ приходскихъ школъ и уѣзднаго училища, другихъ учебныхъ заведеній не было. Нѣкоторые богатые купцы посылали кого-нибудь изъ своихъ сыновей въ коммерческое училище, но старики смотрѣли на это косо, усматривая въ этомъ вредное новшество. Теперь, конечно, не то; въ городѣ есть полная женская гимназія, довольно хорошо поставленное городское училище, мужская учительская семинарія, духовное училище и нѣсколько начальныхъ школъ. Все это устроилось въ теченіе тридцати лѣтъ, благодаря великимъ реформамъ Александра II.

Деспотизмъ и упорное отстаиванье традиціоннаго порядка жизни доходили до того, что въ жертву имъ приносились судьба и развитіе дѣтей. Разскажу по этому случаю одинъ печальный и очень характерный случай.

Однажды вечеромъ я былъ приглашенъ въ домъ довольно зажиточнаго купца Суслева. Меня ввели въ комнату больного, который, какъ оказалось, находился въ сильномъ истерическомъ припадкѣ, вызванномъ опьяненіемъ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, сынъ хозяина. Когда истерическій припадокъ улегся, больной, заливаясь слезами, разсказалъ мнѣ, что у него есть страсть и способности къ музыкѣ и что онъ проситъ отца отпустить его въ Петербургъ для усовершенствованія, но отецъ упорно отказываетъ ему въ этомъ, мотивируя свой отказъ, между прочимъ, тѣмъ, что музыка не купеческое дѣло, что купецъ долженъ торговать, а не заниматься такимъ „зазорнымъ“ дѣломъ, которое можетъ только опозорить ихъ родъ. Я успокоилъ больного, сказавъ, что поговорю съ отцомъ и постараюсь убѣдить послѣдняго отпустить его, сына, въ Петербургъ. Но сколько я ни говорилъ на эту тему съ отцомъ, выставляя на видъ, что самое пьянство сына происходитъ отъ неудовлетворенности его стремленья, обѣщался помочь ему черезъ

своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ устроить сына у какого-нибудь хорошаго учителя музыки, я постоянно встрѣчалъ упорный отказъ, мотивированный тѣмъ, что никогда въ ихъ роду не было музыкантовъ, что это можетъ опозорить ихъ родъ и что сынъ долженъ заниматься дѣломъ, т. е. торговлей.

Чѣмъ больше упорствовалъ отецъ, тѣмъ больше пьянствовалъ сынъ. Наконецъ, отецъ заперъ сына въ какую-то комнатку на вышкѣ, куда ему приносили обѣдъ. У него даже отвяли плохое старинное фортепьяно, на которомъ онъ прежде упражнялся. Черезъ нѣсколько времени я снова былъ приглашенъ въ домъ Суслева и нашелъ молодого человѣка въ самомъ ужасномъ состояніи. Онъ былъ остывши, весь синій, почти безъ пульса, конечности дрожали, слова онъ выговаривалъ плохо. Оказалось, что Николай Суслевъ ухитрился какимъ-то образомъ вырваться съ вышки, сутокъ двое шлялся по кабакамъ, пропилъ тамъ свою одежду и, наконецъ, найденъ былъ въ какомъ-то рву близъ города. Въ этотъ разъ я довольно долго лѣчилъ несчастнаго больного, постоянно упрашивая отца отпустить его въ Петербургъ, хотя, быть можетъ, тогда было уже слишкомъ поздно, и постоянно встрѣчалъ со стороны отца тотъ же отказъ по тѣмъ же резонамъ. Тогда юноша окончательно сдѣлался пьяницей: и много лѣтъ еще можно было видѣть несчастнаго, бродившаго въ одной рубашкѣ и опоркахъ по кабакамъ или выпрашивавшаго въ гостиниомъ дворѣ подаваніе, которое тотчасъ же пропивалось. А между тѣмъ у юноши были несомнѣнныя способности къ музыкѣ, какъ я слышалъ объ этомъ отъ двухъ-трехъ компетентныхъ лицъ, случайно слышавшихъ его игру.

Конечно, дѣло не всегда кончалось такъ трагически, какъ съ Суслевымъ: молодые люди въ концѣ концовъ подчинялись жестокому произволу родителей и шли торговать; но сколько было загубленныхъ силъ и, быть можетъ, талантовъ, сколько разбитыхъ жизней!

Никакой общественной жизни въ городѣ тогда не было. Личность человѣка не имѣла никакихъ правъ, о которыхъ, впрочемъ, тогда никто не имѣлъ никакого понятія. Администрація была все-сильна. Отъ нея впрочемъ легко было откупиться деньгами, и купечество дѣйствительно платило на каждомъ шагу, чтобы только избавиться отъ ея придирокъ и придирокъ полиціи. Въ душѣ же они презирали чиновниковъ, а въ особенности полицію.

Городскимъ головой былъ въ то время В. Г. Л., человѣкъ недалекій, но крайне тщеславный. De jure городскіе головы

должны были быть первенствующими лицами въ городѣ, такъ какъ всѣ хозяйственныя интересы города находились въ ихъ рукахъ. Но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Состоя въ сильной зависимости отъ администраціи, мало знакомые съ законами, нерѣдко малограмотные, они волей-неволей попадали подъ вліяніе своихъ секретарей, назначавшихся изъ чиновниковъ губернскаго правленія и губернаторской канцеляріи. Секретари вели журналы думскихъ засѣданій, завѣдывали всею думскою канцеляріей и такимъ образомъ пріобрѣтали большое значеніе въ городскомъ управленіи. На долю же головы оставалось только, такъ сказать, внѣшнее представительство да обязанность откупаться отъ губернской администраціи. За это они получали медали и почетное гражданство.

У Л. страсть къ медалямъ была развита въ высшей степени, что, впрочемъ, имѣло и свои хорошія стороны. Такъ, для полученія лишней медали онъ выстроилъ на свой счетъ каменные конюшни и казармы для двухъ эскадроновъ уланскаго полка. Въ большіе праздники онъ надѣвалъ мундиръ и всѣ имѣющіяся у него медали и являлся въ такомъ видѣ въ соборъ, а затѣмъ дѣлалъ визиты именитымъ гражданамъ города и наиболѣе вліятельнымъ помѣщикамъ, живущимъ въ городѣ.

Въ сущности онъ былъ человѣкъ добрый и довольно любимый гражданами, такъ что нѣсколько трехлѣтій выбирался головой.

Свои торговыя дѣла онъ велъ довольно плохо, большею частію въ кредитъ и наконецъ такъ запутался въ нихъ, что сдѣлался несостоятельнымъ должникомъ и покончилъ дни свои довольно печально въ тюрьмѣ.

При немъ, между прочимъ, былъ случай, который могъ бы кончиться трагически. Лѣтомъ 1863 года, возлѣ Торжка въ имѣніи Уваровыхъ, Спасскомъ, поселился на дачѣ одинъ петербургскій чиновникъ. Изрѣдка онъ приходилъ въ городъ для его осмотра. Однажды онъ прогуливался среди дня по глухой части города въ плащѣ и соломенной шляпѣ. Когда онъ шелъ по одному изъ маленькихъ переулковъ этой части, вспыхнулъ пожаръ. Сбѣжалось много народа, который, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, былъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Явилась обычная мысль о поджогѣ. Какой-то уличный мальчишка крикнулъ, указывая на гуляющаго петербуржца: „Вотъ поджигатель, я самъ видѣлъ, какъ онъ подкладывалъ спички подъ заборъ“. Никому незнакомое лицо этого господина, его необычайный для новоторовъ костюмъ обратили на себя вниманіе возбужденной толпы, которая бросилась на него и хотѣла покончить съ нимъ собственнымъ судомъ (не

забудьте, что это было послѣ знаменитыхъ петербургскихъ пожаровъ 1862 года, въ которыхъ обвиняли студентовъ, нигилистовъ и т. д.). Не мудрено, что толпа повѣрила этому, особенно подзадориваемая купцомъ Вавулинымъ. Бывшій тутъ Л. былъ такъ ошеломленъ всѣмъ происходившимъ, что не оказывалъ никакого сопротивленія толпѣ. Къ счастью въ это время подоспѣла военная команда и нѣсколько офицеровъ съ полковымъ командиромъ. Имъ едва удалось вырвать несчастнаго изъ рукъ толпы и подъ военнымъ конвоемъ отвести его домой.

Вся эта исторія была рассказана въ одномъ изъ номеровъ „Искры“, и статья оканчивалась слѣдующимъ четырехстишіемъ:

„Давно Сквозника-Дмухановскаго нѣтъ,
И умеръ купчина Абдулинъ,
Зато въ Торжкѣ появились на свѣтъ
Городской голова и Вавулинъ“.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

